

Андрей Теслинов

Концептуальное
проектирование
сложных решений

 ПИТЕР®

Андрей Теслинов

**Концептуальное проектирование
сложных решений**

«Автор»

2009

Теслинов А. Г.

Концептуальное проектирование сложных решений /
А. Г. Теслинов — «Автор», 2009

Эта книга – о передовой технологии принятия решений. Сегодня специалисту доступна практически любая информация. Но еще Аристотель говорил, что многознание не научает истине. Как же докопаться до смысла, как действовать в случаях, если информации слишком много или мало, а правила не определены? В предлагаемой читателю книге раскрываются секреты концептуального проектирования. Вы узнаете, как профессионально встречать сложную реальность, какие методы и инструменты вам потребуются для принятия успешных решений. Значительную часть книги составляет практикум. Скучать вам не придется – задания даются в веселой, игровой форме. Книга предназначена для менеджеров среднего и высшего звена, маркетологов, аналитиков, руководителей всех уровней. Полезна она будет также психологам-консультантам и бизнес-тренерам.

© Теслинов А. Г., 2009

© Автор, 2009

Содержание

Настройка	5
1. Как профессионально встречать сложную реальность	7
Пять шагов проекта концептуальных решений	8
Как нам дается данность	15
«Треугольник данности»	15
Полный список отрезков постигаемой реальности	17
Про интуиции в проектной практике	18
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Андрей Теслинов

Концептуальное проектирование сложных решений

Андрей Георгиевич Теслинов – профессор кафедры методологии и дидактики бизнес-образования Международного института менеджмента «ЛИНК», ректор Открытого Университета Великобритании, руководитель «Мастерской концептуального мышления Андрея Теслинова» <http://teslinov.ru>

Настройка

Теперь мы будем говорить об искусстве мышления в работе со сложностями. Эту область глубокой аналитики в менеджменте называют *концептуальным проектированием решений*¹. Исторически она появилась в ходе практики концептуального проектирования систем организационного управления (*КП СОУ*) и к настоящему времени выросла в мощную технологию и методологию работы со смыслами при принятии решений в размытых предметных областях. Это такая область деятельности, где принятие каких-то конкретных управленческих или иных решений еще невозможно по причине отсутствия ясных различий ситуации и надежных представлений обо всем, что надо иметь в виду, чтобы что-то решать.

До недавнего времени, а часто и сейчас здесь почти не используются никакие инструменты. Лучшим приемом в таких случаях был и остается еще мудрый совет Козьмы Пруткова – дели пополам! Выпускники бизнес-школ понимают, что я говорю о так называемом SWOT-анализе. Многих он спасает в ситуациях неопределенности тем, что дважды делит их пополам: сначала на внутреннюю и внешнюю части, а потом на благоприятное и вредное для компании или управленца... И проблема сложности как-то разрешается. А далее здесь происходит почти то же самое, что и в художественном искусстве – «если Вам уже надоели „фотографии на память“, то приступайте к освоению серьезной профессиональной работы с инструментами». В этом смысле концептуальные техники работы с неопределенными, размытыми предметными областями при движении к их пониманию и управлению ими и есть такого рода профессиональные инструменты аналитика высокого уровня мышления – Вы это почувствуете.

Я говорю «теперь» мы будем рассуждать об искусстве концептуального мышления, имея в виду, что о его основаниях мы уже говорили на страницах предыдущей книги серии. Это дает мне возможность мысленно обращаться к Вам как к человеку, уже знающему вкус концептуальной работы и нуждающемуся теперь в ее конкретных методах.

В этой книге речь пойдет об искусстве концептуального проектирования решений, то есть о практическом испытании правил и приемов концептуального мышления. Здесь к проектированию я буду относиться как к осознанному процессу, приводящему к чему-либо, к решениям концептуального уровня. Правда, здесь не будет чертежей, документов, расчетов и прочего, что составляет проект в строгом современном смысле. Но «*проектирование*» в нашем случае это точное слово, поскольку опирается на исконное – пробрасывание вперед.

Говоря об искусстве концептуального проектирования, я имею в виду искусство как искус (искусный, искусить), то есть «испытание». Из всего живого этим занимается только человек – другим существам с пульсирующим сердцем это ни к чему. Скажем, волк ничего

¹ Курсивом здесь выделены термины, уточненные в терминологическом словаре.

не испытывает – он сразу делает то, что нужно. А мы делаем это, делаем ради обучения, ради создания надежных средств достижения каких-то целей, из осторожности, ради удовольствия и прочего. И мне хочется определиться с тем, для чего я буду публично испытывать концептуальное мышление.

Прежде всего я надеюсь, что этим смогу помочь кому-то разобраться в техниках концептуального мышления, освоить логику совершения интеллектуальных и душевных усилий для нахождения решений в «тумане» мнений, взглядов, суждений, надежд, которыми богат современный менеджмент, да и вообще – мир людей. Надеюсь, мне удастся упорядочить не только Ваши, но и свои наработанные на практике представления о методах концептуального проектирования сложных решений, о методах извлечения смыслов в размытых представлениях, сделать шаг в развитии собственного и, надеюсь, Вашего мышления. Согласитесь, цели хорошие, и я по мере сил буду им следовать. А еще мне хочется... немного поиграть.

Игра как жанр, мне кажется, уместна здесь. Во-первых, техники концептуального проектирования не просты и чаще всего представляются специалистами чрезвычайно усложненно. Поэтому мне хочется дополнить эту сложность и серьезность до целого чем-то простым... играя. Во-вторых, потому, что, как известно, в игре легче раскрывается любая деятельность и даже деятельность ума. В-третьих, потому, что игра – это высшее искусство. В этой мысли я согласно следую за Шиллером, показавшим, что «человек только тогда человек в полном смысле, когда он играет». И наконец, потому, что из игры можно извлечь нечто большее – веселость. Я имею в виду веселость не как беспричинную радость и смех, а как некое любовное отношение к происходящему. Помните, в «Игре в бисер» у Гессе «...настоящий игрок должен быть налит радостью, как спелый плод сладким соком, он должен быть полон прежде всего веселостью музыки, веселостью, которая есть не что иное, как праздничное жертвоприношение... Веселость эта – не баловство, не самодовольство, она есть высшее знание и любовь, она есть принятие всей действительности... Она есть тайна прекрасного и истинная суть всякого искусства». Словом, там, где это будет возможно, я приглашаю Вас поиграть. Думаю, игра и ее веселость проявятся в тех примерах, которые я буду приводить для наглядности приемов концептуального мышления.

Всем этим я нацеливаюсь на следующее.

Мы будем испытывать техники, методы, которыми пользуются умельцы концептуального проектирования решений.

- Будем рассматривать их разнообразно, с основаниями и по мере сил свободно от намерения придать облику концептуального мышления монументальный характер, характер памятника современным достижениям человечества.

- Будем прикасаться к скрытым от скорого внешнего взгляда граням концептуальных техник, но все же не стремясь к академической строгости, а стремясь более к практической ясности – именно это нужно менеджеру-современнику, не так ли?

Там, где нет готовых ответов на возникающие вопросы об искусстве концептуального мышления, будем сочинять.

Думаю, что в первую очередь книга будет полезна аналитикам проблем концептуального уровня и прежде всего – бизнес-аналитикам. Для них концептуальные техники работы с неопределенными, размытыми предметными областями могут послужить хорошим инструментарием анализа и принятия решений с опорой на глубокие в философском плане подходы.

В этом же, думаю, найдут интерес и утешение исследователи, консультанты в области управления сложными процессами в экономике, в социальных полях, разработчики концепций различного назначения. Надеюсь так же быть интересным широкой аудитории, размышляющей о границах и возможностях конструктивного мышления вообще и своего собственного.

Пойдем от общего к частному, а затем снова вернемся к общему, но уже обновленными...

1. Как профессионально встречать сложную реальность

Здесь рассматриваются подходы и техники работы со сложными явлениями действительности на ранних этапах концептуального проектирования решений. Это работа по выделению предметной области и ее конструктивному объяснению.

В инструментах раскрывается линия мышления при восхождении от конкретного к абстрактному ради понимания сути явлений.

Торопящимся практикам можно пропустить рассуждения о смыслах смыслов и сразу заняться освоением рецептов работы с ними. Этому помогают упражнения для тренировки навыков. Однако стоит ли торопиться...

Пять шагов проекта концептуальных решений

Среди удивительных метаморфоз нашего века есть одна, которая имеет прямое отношение к развитию мышления вообще и к возникновению феномена концептуального мышления в частности. Это подмена «встречи» как понятия и действия на «коммуникации» и «контакты». Издревле «встречаться» означает сходитьсь или съезжаться с кем-то, идущим в противоположном направлении; находить кого-то или что-то по пути; доживать до чего-то; взглянуть разом друг на друга; соединиться мыслями, задумать одно и то же; вспомнить, опомниться, спохватиться! Словом, встреча – это всегда оживление сознания. Коммуникация же (с франц.) означает сообщение. Неодушевленное сообщение... и все. В слове «контакт» тоже что-то важное от «встречи» потеряно. Например, Петя позвонил Клаве, что-то сказал и спросил, та ответила... Контакт был, а встречи не было. Там, где не было оживления сознания, там не было и мышления.

Итак, встреча с реальностью – **первый шаг** на пути к возбуждению и разрешению концептуального мышления, впрочем, как и любого мышления вообще. Я говорю о встрече с чем-то или с кем-то как о событии, которое задевает наше сознание. С чем же или с кем надо встретиться, чтобы оживиться умом? А с чем надо встретиться, чтобы оживиться высоко и красиво?

Вот пример реальности: «Когда толпа веселится, трудно заставить ее плакать, и, наоборот, при грустном настроении собрания нелегко его развеселить. Когда масса людей воспитана на определенных взглядах, ей крайне трудно или почти невозможно привить противоположные взгляды и, наоборот, ей крайне легко принять взгляды, стоящие в соответствии с усвоенным путем воспитания»².

Находясь среди этих людей, с чем на самом деле Вы встретитесь? Бехтерев здесь встретился с социальным законом инерции. Но его же не было в той толпе?!

Другая реальность – военный самолет. С чем Вы встретитесь, если Вам посчастливится посидеть за штурвалом какого-нибудь истребителя? А. Экзюпери почти никогда не встречался здесь с кнопками, приборами, рычагами... Вы помните: «Для меня самолет – это способ, которым я постигаю мир».

Вот еще одна реальность – в небольших городках даже в самых хороших гостиницах через час после поселения, как правило, звонит телефон, и мягким голосом Вам предлагают: «Не желаете ли провести вечер с нежной, ласковой девушкой?» Вы, действительно, мыслите встретиться с нежностью и лаской или с чем-то другим, если согласитесь? Заметьте, Вы не в Таиланде, а в среднерусской глубинке.

А с чем нужно встретиться, чтобы захотеть помыслить событие концептуально? В этой (второй ³) книге, наверное, уже нет нужды говорить о том, что не всякая встреча возбуждает концептуальное мышление? И все же несколько примеров таких встреч не помешают...

ПОПРОБУЙТЕ. Известно, что любая современная бизнес-школа, претендующая на авторитетный уровень в национальном рейтинге, должна иметь в своем «портфеле» хотя бы одну программу Executive MBA. Если бы

² Бехтерев В. М. Избранные работы по социальной психологии. – М.: Наука, 1994. – С. 267.

³ Предыдущая книга серии: Теслинов Л. Г. Концептуальное мышление в разрешении сложных и запутанных проблем. – СПб.: Питер, 2009. – 288 с.

перед Вами поставили задачу разработать такую программу с нуля, то о чем бы Вы стали размышлять по ее существу, с чем бы Вам надо было встретиться?

Пусть Ваша компания успешна. Пусть в ней есть и небольшое производство, и коммерческий сектор. Пусть ее состояние на сегодня таково:

Показатель (год)	Значение
Численность персонала	84 чел.
В т. ч. количество менеджеров/исполнителей	15/69
Текучесть кадров	16,7 %
Годовой товарооборот	60 млн руб.

Показатель (год)	Значение
Процент валовой прибыли	ср. 72 %
Среднемесячный товарный запас	28 млн руб. /месяц
Рентабельность компании	33,6 %
Доля рынка в городе	75 %

Предположим, в этих условиях Вы осознали живую потребность развивать свой бизнес дальше. О чем Вам нужно подумать при этом? С чем Вам надо встретиться здесь?

Вот еще пример. Ваша организация – крупная тепловая генерирующая компания страны. В ближайшем будущем она окажется в условиях свободного рынка, где ей придется конкурировать с другими подобными энергокомпаниями. Сейчас все они находятся примерно в одинаковых стартовых условиях: у каждой есть своя «ниша» на рынке, они примерно в равной степени обеспечены производственными и кадровыми ресурсами. Вы понимаете, что прибыль компании зависит от того, насколько низки цены на исходное сырье (топливо), насколько высоки цены на конечный продукт (электроэнергию), который Вы не можете изменять, насколько высоки объемы продаваемого продукта. О чем Вам нужно помыслить, с чем Вам нужно встретиться, чтобы по итогам этой встречи принять стратегическое решение по созданию конкурентных преимуществ?

Этими примерами мне хочется показать, что встреча как первый шаг концептуального проектирования решений вовсе не проста. В каждой из встреч образуется своя особенная данность. Однако без первого шага не состоится второй...

Второй шаг – истолкование данности, с которой произошла встреча. Это объяснение, уяснение сути, смысла того, с чем встретилось и чем оживилось наше сознание. И если первый шаг мог быть началом любого мышления, то второй шаг – это уже совершенно надежный знак поворота к мышлению концептуальному. Это уход от *представлений* в строгом смысле этого слова к *концептам*.

Известно, что познаваемое дается нам либо в представлениях, либо в понятиях, а между ними большая разница. Первые – плод психических процессов – ассоциаций, переживаний, образов, как, например, в поэзии, музыке, художественном искусстве. Вторые – результат рассуждений, умозаключений, логики. Это не означает, что дорога к понятиям лишена психической работы. Более того, в образовании концептов нам очень часто помогают образы и другие представления. Но это означает, что результат истолкования чего-либо в акте концептуального мышления – это всегда понятый и выраженный в понятиях смысл.

Здесь стоит сделать два замечания. **Первое** – из истории термина «концептуализм». В XVII веке им обозначалось особенное психологическое направление в теории познания. Согласно ему утверждалось, что наш ум не имеет дела с реальными сущностями вещей, что они всегда остаются недоступными ему и что сознание наше оперирует только номинальными сущностями, знаками. По этому учению значением слова является представление – «идея в душе говорящего» – которое появляется как выражение или отображение действительности. Такое представление возникает в результате психических процессов, так сказать, возникновения общего понятия (концепта). Ключевыми теоретиками такого концептуализма были Локк, Беркли, Кэмпбелл, Юм. Разумеется, в этом смысле средневековый концептуализм решительно отличается от того «поворота», который теперь совершаем мы с Вами.

Второе замечание – это размышление над таким вопросом: какова начальная граница концептуального мышления, раньше которой его не стоит применять в постижении действительности? Сейчас ответ может быть таким: концептуальное мышление не нужно там, где достаточно лишь представления о действительности. Что это за ситуации – об этом можно порассуждать, если интересно.

Итак, истолковать – это означает в концептуальном акте понять смысл постигаемого отрезка реальности и выразить его в понятиях... как-нибудь (Упражнение 1).

Например, с некоторой точки зрения смысл техники – это «вскрытие потаенного»⁴. Или, например, Или, например, смысл жизни с некоторой позиции – это «изживание»⁵... и только. Смысл поклонения двенадцати богам Олимпа – это уподобление себя высокому и устремление к нему. Смысл времени с позиции безнадежности есть «отрезок прямой, концы которого тают в тумане нашего умственного бессилия»⁶.

Если постараться, можно как-то конструктивно выразить смысл таких реальностей, как «управление подчиненными», «управление персоналом», «управление человеческими ресурсами», – Вы же понимаете, что все это разное?!

Вы видите, что здесь еще нет того строгого языка понятий, на котором выстраиваются все концептуальные конструкции, – это будет дальше. На этом шаге важнее строгости другое – перевод подразумеваемого смысла в явную форму, *имплицитного* в *эксплицитное*. Здесь вполне годятся определения простые по форме и точности – контекстуальные и даже псевдо-контекстуальные.

⁴ Хайдеггер М. Время и бытие. – М.: Республика, 1993. – 447 с.

⁵ Риккерт Г. Философия жизни: Пер. с нем. – Киев: Ника-Центр, 1998. – 512 с.

⁶ Придонов А. М. Обретение сути. – М.: Фолиум. – 1999. – 96 с.

Третий шаг – выразить понятый смысл предельно точно, богато и... красиво.

- Выразить смысл точно – это значит, строго различая в нем все компоненты: элементарные признаки понимаемых «вещей» и явлений, все отношения, все решения и предположения относительно границ смысла и прочее.

- Выразить смысл богато – это значит так, чтобы сохранить и по мере сил умножить его объяснительные возможности.

Выразить смысл красиво – это по крайней мере так: минимальными средствами показать его максимальное содержание. Не к этому ли стремятся и в художественном искусстве?⁷

Выразить смысл красиво – это по крайней мере так: минимальными средствами показать его максимальное содержание. Не к этому ли стремятся и в художественном искусстве?

Мне представляется, что в этом пункте начинается эстетика концептуального мышления. Но об этом позже, возможно, в других беседах. Важно, что здесь совершается следующий отворот от традиционного русла техник мышления к концептуальным техникам. Здесь начинается напряженная, но увлекательная игра с абстракциями.

Истолкованный, понятый и выраженный в виде *концептуальных конструкций (схем)* смысл – часто этого достаточно для концептуалиста. Ведь при этом все состоялось – встреченная реальность понята и схвачена в надежные руки-концепты, смысл готов к полной развертке своего содержания. Сознание достигнутого при этом высокого уровня абстрактности свидетельствует о глубоком овладении предметной областью, о ее интеллектуальном поглощении. Чего еще желать ищущему сознанию и душе аналитика? Кстати, именно здесь, на этом эмоциональном перевале часто и останавливают свой путь многие концептуальные проекты, не завершая концептодеятельности. Но там, где нужны решения, а не только удовольствие от сознания владения предметной областью, она должна быть продолжена.

Четвертый шаг – развертка сконструированного смысла. Мы говорили прежде о том, что существуют три формы использования *концептуальных схем*. Это (1) порождение новых понятий-следствий, (2) придумывание им имен, (3) интерпретация содержания смысла. Сейчас мы говорим о первых двух из этих форм. По сути четвертый шаг есть вскрытие и раздирание богатства, которое открылось сознанию в добротном сконструированном смысле. Без такого знака щедрости концептуальный акт не завершен.

Однако в этом шаге проявляется не только альтруизм и человеколюбие концептуалиста, в котором он снисходительно соглашается поделиться добытым знанием. Здесь он может обогатиться и сам. Очень часто среди понятий-следствий появляются такие, которые не были оче-

⁷ В этой книге для усиления выразительности смыслов и приемов концептуального мышления представлены фотографии Валерия Миняева.

видными, известными, ради которых не следовало бы трудиться над распаковыванием сжатого в концептуальные тиски смысла. На этом этапе и добываются такие понятия. Впрочем, кому-то нравится открывать плантации жемчуга смыслов, кому-то – извлекать из их глубин жемчужины, а кому-то продавать и перепродавать их. Это предпоследний шаг.

Пятый шаг – это выбор и осуществление нужного концепта из того разнообразия, которое получено при развертке *концептуальных схем*. До этого момента вся концептуальная работа была лишь подготовкой к тому, чтобы получить одну или ряд отчетливых картин предметной области, с которыми можно было бы работать дальше. Собственно, само концептуальное решение здесь – это тот концепт, то понятие, которое наилучшим образом объясняет сложную, непонятную до этого момента реальность. А «работать дальше» с такими концептами означает осуществлять их, то есть интерпретировать, воплощать, задействовать... Что Вы обычно делаете, когда говорите себе примерно так «Ну, теперь-то я понял, что...»? Дальше можно просто спокойно уснуть – концептуальное решение состоялось. Это последний шаг.

Итак, полноценный акт концептуального проектирования решений преодолевается пятью шагами:

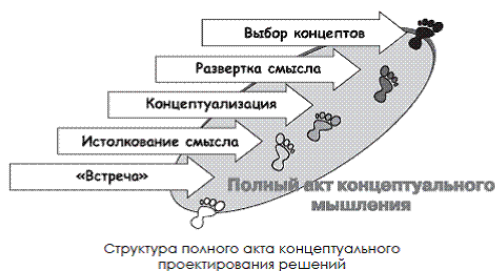
Шаг первый – встреча с данностью.

Шаг второй – истолкование смысла данности.

Шаг третий – конструирование смысла или, иначе, *концептуализация* данности.

Шаг четвертый – развертка концептуально сконструированного смысла и порождение концептов-следствий.

Шаг пятый – выбор и осуществление нужных концептов как решений.

В таком порядке и стоило бы рассмотреть искусство концептуального проектирования решений. Однако есть несколько обстоятельств, побуждающих к расстановке акцентов и к чуть иной логике нашего восхождения по этой интеллектуальной «лестнице».

Во-первых, по-особенному интересна встреча с явлением, возбуждающим акт концептуального мышления. Причины для «встречи» могут быть разными – удивление, случайный всплеск живого интереса, внешнее задание, внутренний познавательный зуд и прочее. В любом случае всегда это некое познавательное препятствие, которое возбуждает исследовательский процесс. Во встрече важно другое – КАК нам в ней дается явление? Понятно, что мышление работает с некоей данностью, но вид этой данности, форма и условия, в которых она дается нам, существенным образом определяют ход последующей концептодеятельности. Одно дело – разбирать тексты, совсем другое – пытаться понять и выразить смысл бизнес-реальности, и уж совершенно безнадежное дело – понять женщину. Надо бы специально рассмотреть то, как нам дается все это и многое другое.

Во-вторых, истолкование явлений (на втором шаге) интересно способами, какими наше мышление пытается понять данность. Что такое «смысл» и как он «схватывается» мышлением в ходе понимания? Как мы истолковываем (интерпретируем) данность того или иного вида? Как интуиция находит выражение в понятиях? Какова при этом роль понятий? Как вывести размытые представления о реальности, о бизнес-реальности на уровень явных схем и конструкций? Это вопросы, на которые и сейчас еще пытаются ответить философия, когнитология,

герменевтика, филология, системология и другие науки. Мы используем здесь их откровения, но лишь с практической стороны, дополняя теми подходами, которые выработала практика принятия решений в размытых предметных областях.

В-третьих, хотя концептуализация смыслов на практике осуществляется многими и весьма успешно, но она еще не отрефлексирована мыследельцами в полноте и не отчуждена еще от практики в завершённые методы. Мы будем достраивать их. Надо специально поговорить о методах построения концептуальных схем, об их развертке и о выборе концептов-решений.

И наконец, мне хочется приподнять вопрос об образовании имен новых понятий. Это не простая проблема концептуального ремесла. Ведь из концептуально сконструированных смыслов появляются новые понятия... безымянные, а только с понятием содержанием. Долго ли Вы можете иметь дело с тем, чему нет имени?

В риторике концептуальных дисциплин вопрос об именах понятий еще не раскрыт. Однако соблазн понять, как возникают новые термины и как осмысленно можно управлять этим процессом, весьма велик. Вы же помните: «Как Вы яхту назовете, так она и поплывет!» Вопрос этот относится к специальным разделам филологии. Но мы попробуем прикоснуться к нему здесь ради придания разговору об искусстве концептуального проектирования решений полноты и завершенности.

По этим соображениям наша логика освоения акта концептуального проектирования решений будет выстраиваться далее так.

1. Как правильно встречаться со сложной реальностью, чтобы она становилась нужной данностью для нас.
2. Как истолковывать данность, добывая смыслы.
3. Как превращать смыслы в концепты и концептуальные конструкции.
4. Как совершать операции над концептами, вскрывая концептуально построенные смыслы и выбирая концепты-решения.
5. Как сотворять имена новым концептам-решениям.

В завершение этого разговора попробуем осмыслить характер искусства концептуального проектирования решений как технологии.

Нетрудно заметить, что этой логикой мы с Вами придаем нашему разговору философскую окраску. Это так, поскольку, во-первых, по технологической сути философствование – это изготовление, творчество концептов. Это мудрствование, основанное на порождении смыслов, выражаемых в концептах⁸.

Во-вторых, постановка наших вопросов – есть предмет философии. Известно, что философия изучает действительность не как данность, противостоящую нам. Хорошая философия прежде всего «спрашивает» – как дано нам то, что мы хотим понять? Поэтому, начиная осваивать концептуальную практику с вопроса о том, как встречаться со сложной реальностью и как понимать ее, прежде чем что-то решать о ней, мы вступаем на путь философии.

«Философия изучает действительность не в данности, а через данность.

Данность действительности есть данность опыта, переживания, сознания – через них изучает философия действительность. Прямой объект философии поэтому сознание, в котором и через которое все дано... другими словами, опыт и наука – о действительности, философия – о понятии действительности!»⁹

⁸ /Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / Пер. с франц. и послесл. С. Н. Зенкина. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алтейя, 1998. – С. 10.

⁹ Шпет Г. Мысль и Слово. Избранные труды. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОСПЭН), 2005. – С. 45.

В-третьих, мы будем исследовать не только, вернее, не столько техники концептуальной работы со сложностями, сколько думать о них определенным образом. По Гегелю, это и есть философия, которая начинается там, «где есть мышление мышления». Разве не этой способностью – думать о том, как думать, – отличается «высокий» руководитель от «низкого»?

Пойдемте по порядку...

Как нам дается данность

Мастер слушал внимательно.

– Надо ли обращать внимание на сны? – спросил Иозеф. – Можно ли их толковать?

Мастер посмотрел ему в глаза и сказал коротко:

– На все надо обращать внимание, ибо все можно толковать.

Г. Гессе. «Игра в бисер»

Смотрю в окно и вижу, как рассветные лучи оранжево раскрасили белую стену дома напротив. А купола собора вдали сверкнули золотым... и медленно потускнели, сравнялись с темной полосой домов и леса Измайловского парка. Чуть позже снова взглянул в окно и заметил: «Стекла не мыл, наверное, с весны... В воскресенье надо бы вымыть окна, заодно и в столе навести порядок». Так что же в окне было данностью?

Двое заключенных стоят вечером у окна камеры и смотрят на улицу возле тюрьмы...

– Какая грязь на дороге! – говорит один.

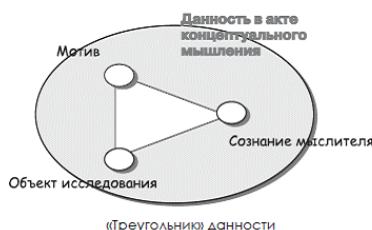
– Да... А какие звезды в небе! – говорит другой.

Два этих простеньких примера – свидетельство того, что данность нашему мышлению – это вовсе не та реальность, которая противостоит нам в готовности показать все, на что падет наш взгляд или к чему прикоснется луч нашего сознания. Это не дома, не люди, не машины, не вещи, которые можно потрогать. Это не тексты, не слова, которые можно услышать или прочитать. Это не тот самый «весь мир» в его материальной и нематериальной формах, пассивно ожидающий нашего обращения к себе. Данность – это то, что мы зачем-то или почему-то берем сознанием из всего этого мира. С ней-то и происходит работа нашего мышления. Вы умеете правильно «брать» правильную данность?

«Треугольник данности»

Во всех случаях данность, с которой работает наше мышление, это то, что возникает в «треугольнике»:

- объект исследования;
- мотив, задача исследования;
- наше сознание.

Вы можете подумать, что все это не столько сама данность, сколько ситуация, в которой она открывается нашему мышлению. Прежде мы говорили о такой ситуации, как о *когнитивной ситуации*. Так думать тоже правильно. Но все же надежнее думать, что весь этот «треугольник» выступает в акте концептуального мышления как «единица» данности.

В этом «треугольнике» **объект исследования** – это любой «отрезок реальности» непростого мира, который ждет любовного прикосновения нашего любопытствующего сознания.

Мотив – это все то, что побуждает нас так или иначе смотреть на мир. В управляемых актах мышления это некая исследовательская задача, которую мы сознаем или даже не сознаем

до конца. Это, например, заказ на концептуальное проектирование чего-либо или некое препятствие, которое сдерживает наш познавательный процесс. В произвольных актах мышления – это некая внутренняя или внешняя установка, некий фактор, некое влияние, которые придают потоку нашего сознания определенное направление. Для этого фактора есть верное русское слово – настроение. Точнее – умонастроение. Или еще точнее – намерение.

Сознание исследователя – это то, что понятно каждому, но в действительности – сущая загадка. Пусть будет так: «...сознание есть непрерывный поток, в котором никакая конкретность не поддается строгому фиксированию в понятиях...»¹⁰. Я бы продолжил так: «...без неких указателей на способ работы с объектом исследования как со своим содержанием».

Полноценная культура концептуального мышления вырастает на признании того, что все эти компоненты «треугольника» признаются равнозначными в любом акте мышления. Это означает многое. По крайней мере, следующее.

1. Любой новый мотив, любая новая задача даже при одном и том же объекте исследования порождают новую данность. Именно поэтому в зависимости от умонастроения данностью становятся либо звезды в небе, либо грязь под окнами.

2. Ложный, или неосознаваемый, мотив создает случайную для мыслителя данность. У Вас такого не было? В миру это называют «подменой предмета размышления».

На одном из семинаров с руководителями организаций по «Управлению изменениями» мы с коллегой показали видеосюжет из замечательного фильма «Девчата». Это момент, где бригада Рыбникова придумывает свой особенный подход к лесоповалу, а соседняя бригада завистливо подслушивает их разговор. Словом, всем понятно, что бригады эти несовместимы, так как конкурируют друг с другом, да еще и сильно привержены своим бригадирам. После видеосюжета перед слушателями ставится задача – предложить подход, стратегию и тактики для изменения ситуации – объединения усилий этих бригад для нового проекта. Трудность для менеджера здесь очевидна – как повести себя руководителю, если ситуация угрожает непримиримым конфликтом?

Три группы бывалых и не в таких переделках слушателей-менеджеров стали придумывать способы... штатной должностной перестройки в бригадах: Рыбникова для начала перевести на другую работу, приказом временно назначить другого, над обеими бригадами назначить третьего руководителя и т. п. Заметьте, вместо данности, которую мы предложили, – «процесс объединения усилий» все группы «взяли» данность совершенно другую – «изменение штатного расписания в бригадах». Случай это простой, но показательный – нам нравится работать с данностью, к которой мы привыкли. Факт подмены данности для концептуальной работы – это бедствие.

Ни одна реальность, ни один объект исследования не обнаруживает никакой (!) данности самостоятельно, без сознания исследователя, «намагниченного» мотивом. Данность не возникает без сознания, направляемого нашим внутренним намерением. Для будущей развертки смысла совершенно не важно, есть ли, скажем, у настольной лампы некая принадлежащая только ей реальность, например, размеры, мощность излучения, форма и прочее... у нее будет «взято» для мышления только то, что этому смыслу «нужно».

Есть замечательный и уже классический пример у Аристотеля – пример с секирой. Суть этого предмета, которую можно усмотреть в нем как его «внутренний смысл», есть «рубить». Но спрашивается, как можно усмотреть

¹⁰ Шпет Г. Мысль и Слово. Избранные труды. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОСПЭН), 2005. – С. 120.

этот смысл, если его нет в собственных свойствах предмета? В нем есть металл, рукоять и т. д., но ничего от «рубить» нет. Надо «захотеть» увидеть этот предмет в его назначении, и тогда появится значение «рубить». А при других мотивах, при других «хочу» в нем можно усмотреть и совершенно другое, например, такое, как «устрашать», «защищать», «обмениваться» и т. д.

Какую данность для мышления и разрешения Вы возьмете в ситуации, о которой пишет Том Питере: «Мы бегаем по кругу. От Голливуда до Силиконовой долины. Шведские профессора Кьелл Нордстрем и Йонас Риддерстрале написали в книге «Бизнес в стиле фанк»: „Общество всеобщего достатка в избытке населено одинаковыми компаниями, одинаковыми сотрудниками, одинаковым образованием... что приводит к одинаковым идеям, одинаковым товарам одинакового качества... по одинаковым ценам". Кошмар»¹¹.

Итак, что Вы возьмете здесь для размышления? Вам нужна подсказка? Вам обязательно нужна «подсказка» – без нее здесь можно взять все что угодно!

3. По мере развертки акта мышления и изменения состояния нашего сознания данность изменяется. Факт этот странный, но истинный: в ходе работы концептуалиста данность, с которой он работает, меняется. И не однажды. Это обстоятельство – предтеча той самой подмены данности. Впрочем, как и предтеча схватывания все более точного смысла реальности.

Рассмотрим тщательнее детали «треугольника» данности. Они есть и весьма существенно влияют на последующую концептуальную работу.

Полный список отрезков постигаемой реальности

Объектами исследования для концептуальных решений могут выступать все возможные «отрезки» реальности, а именно: все твари по паре, земля и небо, люди, начиная от Адама, боги, небожители, Три Высших Драгоценности (драгоценный Учитель, драгоценное Учение, драгоценная Община), «семь драгоценностей чакравартина» (драгоценное колесо, драгоценность чинтамани, драгоценная царица, драгоценный советник, драгоценный полководец, драгоценный слон, драгоценный конь), все фильмы Никиты Михалкова, «Пять уроков перестройки» и все остальное. Упрощая этот список, можно сказать: все, с чем мы имеем дело в мышлении, – это «вещи», идеи и знаки того и другого. А больше и вообще ничего нет!

Однако я склонен согласиться со Шпетом в том, что в такой полярности, как «вещи – идеи», есть еще одна «промежуточная» реальность, которая побуждает к каким-то особым способам ее постижения. Это реальность социальная – мир людей в их социальном бытии. Любой руководитель знает, что персонал – это стихия, это особенная материя с нелинейными свойствами – никто не может знать совершенно точно, какая реакция состоится при том или ином воздействии на нее. Судите сами: бытие физических вещей мы можем познать прямым (и косвенным, через приборы) наблюдением, осязанием и прочими «органами». Идеи мы постигаем в бытии психическом. А реальность социальную?

«Вся история философии дает нам только это разделение: чувственное и разум, – в разных формах, под видом разных теорий, об одном же идет речь у Платона, Декарта, Канта... Мы не думаем здесь исправлять Платона или Декарта, но обращаем внимание на обратную сторону этого разделения:

¹¹ Питере Т. Представьте себе! – Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2005. – С. 87.

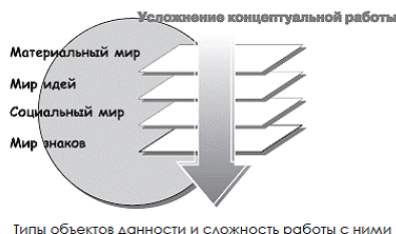
всюду, где оно приводится в той или иной форме, мы встречаем и коренное затруднение в философии при попытке перекинуть мост через пропасть, образующуюся между названными двумя родами источников познания... Однако здесь пропущен особый вид эмпирического бытия – бытие социальное, которое, согласно принятому нами положению, должно иметь и свою особую данность, и свой способ познания. Нам здесь действительно приходится иметь дело с совершенно своеобразным способом познания, в котором основную роль играют так называемое вчувствование и сходные с ним акты»¹².

Действительно, как «увидеть», например, отношения пренебрежения, или зависти, или процесс элитного обособления, которые, положим, развиваются в некоей организации и должны стать объектом концептуального анализа для какой-то проектной задачи? Пожалуй, через знаки, но и... через вчувствование, через проживание этих отношений.

Я хочу подвести Вас к мысли о том, что основными родами объектов исследования выступают:

- материальный мир, мир «вещей», который мы можем наблюдать;
- мир идей – абстракции, образы, представления и все прочее, что способно порождать наше сознание. Психический мир этот постигается лишь посредством выражения его различными средствами;
- социальный мир – бездна отношений, выстраиваемых людьми в коллективном бытии, постигаемых не столько наблюдением, сколько непосредственным проживанием;
- мир знаков как свидетельств первых трех миров, независимо от того, вещи они или что другое. Как писал Августин Блаженный: «Знак есть вещь, которая не только сообщает свой вид чувствам, но еще и вводит с собою что-нибудь в мышление». Это все то, что указывает нам на исследуемую реальность.

Эти различия полезно знать хотя бы для того, чтобы, приступая к концептодеятельности, быть готовым к особым способам работы с разными «отрезками» реальности, с разными мирами данностей. Замечу только, что сложность этой работы возрастает сверху вниз.

Про интуиции в проектной практике

Второй компонент «триады» – сознание аналитика. Для простоты и наглядности сознание можно уподобить потоку некоей психической «материи», которая ведет себя по аналогии с потоком воды – он движется, вовлекает в себя новые «струи», разветвляется на «рукава», создает «воронки», «бочки», «лакуны» и другие различия в однородности психической «материи». В такой картине сознание мыслителя-концептуалиста это поток, все изменения в котором совершаются неким упорядоченным и самоконтролируемым образом. По моему убеждению, наиболее надежное объяснение тому, как все это происходит в нем и как при этом формируется данность, дает феноменология, феноменологический взгляд на психический мир.

¹² Шпет Г. Мысль и Слово. Избранные труды. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОСПЭН), 2005. – С. 120.

Интуиция (лат. *intueri*-пристально, внимательно смотреть) – непосредственное постижение истины без логического обоснования, основанное на предшествующем опыте; чутье, проницательность.

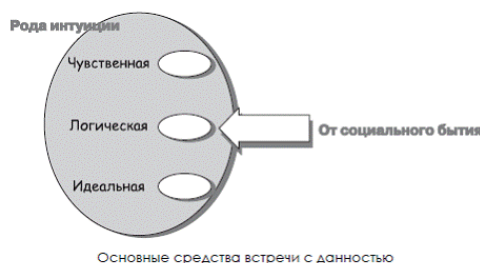
Согласно этому взгляду все явления можно уподобить «вещам», которые вовлекаются в поток сознания лишь при непосредственном соприкосновении с его «материей». Этим свойством, свойством непосредственного, нелогического овладения феноменами, обладают наши *интуиции*. Они есть основанные на опыте «рецепторы» сознания, которые позволяют нам принимать, рассматривать и узнавать в непосредственности все, попадающее в его поток.

Согласно феноменологии Э. Гуссерля, постижение реальности опирается на два рода интуиции: чувственную интуицию опыта, которая «изучает» действительный и естественный мир, и интуицию идеальную (интуицию сущности), которая «работает» с миром идей¹³. Но теперь, когда мы согласились с идеей о социальном бытии как об особенном роде реальности, нам несложно будет принять мысль и о третьем роде интуиции – интуиции логической. Снова обращусь здесь к той части философии Г. Шпета, где он рассуждает о том, как получается, что мы не только владеем нашими интуициями как содержанием нашего знания, но и пользуемся ими как средствами. О том, как между интуициями опытными и идеальными возникает постоянная связь благодаря некоей третьей интуиции.

«Единственным и достаточным средством оказывается <при этом> нечто третье, что одинаково представляет как за чувственную интуицию, так и за идеальную. Очевидно, что возможность такого представительства, „отображения“ обоих родов интуиции в одном основывается на том же, на чем покоится коррелятивность самих интуиции»¹⁴.

Г. Шпет приводит к мысли о том, что этот третий род интуиции восходит к какой-то внешней работе нашего сознания, к работе по упорядочению и неким образом подготовке к **выражению** своих содержаний некоему Другому человеку, находящемуся с нами рядом. Оказывается, постигая что-то, мы уже сразу нуждаемся в том, чтобы кому-то рассказать об этом. Этого свойства нет ни у оленей, ни у дельфинов, ни у байкальской нерпы. Видимо, это приобретение недавнее, всего 5800-летней давности, откуда берет отсчет эра человеческого мышления. Именно поэтому такого рода интуицию можно отнести к социальной природе. Все это дает основание называть ее *интуицией логической*.

Итак, на встречу с данностью наше сознание направляет интуиции трех родов: чувственную, идеальную и логическую. Они и «усматривают» в реальности тот предмет, с которым дальше будет работать мышление.

Когда мать, будучи на расстоянии от своего ребенка, вдруг узнает, что с ним случилась беда или радость, – это пример действия интуиции чувственной. Когда Пятница, не зная языка,

¹³ Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. – М., 1990.

¹⁴ Шпет Г. Мысль и Слово. Избранные труды. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОСПЭН), 2005. – С. 120.

понимал то, что ему пытался на пальцах объяснить Робинзон, это было действие интуиции идеальной. Наверное, пример с таблицей, которая привиделась Д. Менделееву, можно считать примером интуиции логической – его усилия были обусловлены поиском ясного порядка между химическими элементами, о котором можно было бы ясно говорить другим и который можно было бы использовать для объяснения химического мира. Вы согласны?

Есть много примеров того, что все эти рода интуиции развиваются. Так, аналитик, долго работающий в какой-то предметной области, в какой-то момент начинает давать оценки ситуациям на уровне пророчеств. Скорее всего это факт развития интуиции идеальной. Долгая практика педагогического труда тоже приводит к способности быстро схватывать смыслы и понимать какие-то непростые явления за счет постоянной глубинной нацеленности на то, чтобы кому-то что-то объяснять. Это, наверное, пример развития интуиции логической (социальной). Мне известны хорошие примеры сознательного развития интуиции чувственной. Так, однажды в поезде мне встретилась молодая женщина, которая занималась тем, что с закрытыми глазами вынимала из пачки маленьких карточек то белую, то черную, а потом смотрела на нее... На мой вопрос «что Вы такое делаете?» она ответила: «Развиваю интуицию». Позже мы выяснили, что карты «угадывались» ею с точностью более 80 %.

Скорее всего в каждом конкретном акте мышления никогда нельзя точно определить род интуиции, которая ему помогала. Наверное, это предмет особенной психической дисциплины, которую мы развивать не будем. Но для нашего разговора здесь важно заметить следующее.

- Весьма удобно рассматривать интуиции как некие первичные средства, с помощью которых наше мышление приобретает данность. Пусть механизм интуиции не раскрыт, но признание их наделяет нас возможностью составить хотя бы приблизительную картину начала концептодеятельности.

- Различение трех родов интуиции конструктивно хотя бы тем, что оно может направить нас на развитие некоторых важных личных способностей. Я имею в виду способность живого чувствования мира, способность улавливания идей, способность прояснения связей реального мира. Сознательное раскрытие в себе этих способностей и культивирование интуиции – верный путь к незамутненному мышлению. Здесь я вижу три помощника: любовь, медитацию и математику. Однако это предметы иного исследования.

- Признание интуиции как неких исходных средств концептуально строгого мышления дополняет его до целого – оно не должно отождествляться с сухой логикой и метаматематикой. Надеюсь, Вы увидите, что в этой сфере употребления ума есть очень много вызовов для задействования души.

Однако теперь может показаться, что, с введением представления об интуициях, механизм формирования данности упакован в одеяния таинства сильнее прежнего. Действительно, может сложиться мнение, что мастерство мышления вообще и концептуального, в частности, полностью зависит от степени развитости интуиции мыслителя. Отчасти это так. Но надо непременно заметить и то, что существование и активность интуиции еще не означает овладение явлениями сознания. Степень развитости наших интуиции позволяет нашему сознанию лишь замечать феномены, лишь более или менее надежно «захватывать» в свой поток сознания и превращать в свои содержания сигналы, идущие от реальности. «Удержание» же их в сознании и прояснение до очевидности, при которой можно работать с феноменами «как при свете ясного дня», совершаются посредством другой работы сознания.

«Находя интуиции в различной степени близости или отдаленности, на различных ступенях ясности, мы должны доводить их до степени „абсолютной

близости“, где они и достигают для нас полной ясности... Мы можем говорить о своих ступенях ясности интуиции... Метод уяснения интуиции до полной ее очевидности требует постоянного приближения изучаемого переживания до степени абсолютной близости, „самоданности“... через уяснение единичных интуиции, сплетающихся с ними сущностей, углубления и уяснения взаимных связей и отношений»¹⁵.

Иными словами, приобретение данности связано не только с работой интуиции самих по себе, но и с уяснением их, с сомнением в них, с проверкой и перепроверкой, с анализом и синтезом, в результате которых содержание их приобретает ясность для нас. Так же и согласно Канту, объекты воспринимаются нашим сознанием и конституируются нами вне связи с какими-то правилами, посредством наглядных представлений, воображения. Однако синтез результатов деятельности этих наших способностей возможен на основании неких правил, способность к которым есть способность рассудка.

Если Вас все же не удовлетворяет это феноменологическое объяснение отражения мира в нашем сознании, если Вы – приверженец иного взгляда на этот процесс, то скорее всего Вы сумеете как-то иначе объяснить себе то, каким образом в нем образуются феномены по крайней мере двоякого рода – феномены опытной природы и феномены природы идеальной. Можно пойти в этом объяснении разными путями.

¹⁵ Шпет Г. Мысль и Слово. Избранные труды. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОСПЭН), 2005. – С. 99.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.